

Отрывки из произведения Авдеевой-Полевой Е. А. «Записки и замечания о Сибири. С приложением старинных русских песен»

«Местоположение города Иркутска прелестно, особливо, когда подъезжаешь к нему из России. Летом надобно переезжать Ангару на карбазе (так называют там плоскодонное судно вроде барки). Ангара вытекает из озера Байкал, верст за шестьдесят от Иркутска. Она соединяется близ города с Иркутом и обтекает Иркутск...»

«Жители Иркутска почти все бреют бороду и стригут волосы, не носят русских кафтанов, и даже черный народ носит летом халаты, а зимою тулупы, крытые китайкою или нанкою: летом круглые шляпы и картузы, а зимою шапки и меховые картузы. Отличительный наряд женщин низших сословий - покрывало, которое они называют накидкою. Накидки бывают обыкновенно ситцевые; носят и канаватные, с золотом. Прежде были накидки канаватные рублей по сто; и теперь многие за стыд почитают выйти из дому без накидки. Обыкновенную одежду женщин из простого народа составляют рубашки с широкими рукавами и узенькими запястьями (у пожилых женщин бывает у рубашек высокий ворот и широкий воротник), юбка и душегрейка, или шушун. Шушуны бывают различных покровов, Голову повязывают платком. Прежде все купчихи носили юбки и кофты, а на головах платки; платки были парчовые, глазетовые, тканые, с золотыми каймами, шитые золотом, битью, канителью; бывали платки по сто пятидесяти рублей; дома носили в достаточных и бедных домах бумажные вязаные колпаки. Ныне все молодые женщины, купчихи, одеваются точно так же, как, и в столице. Кто приедет прямо из Москвы или Петербурга, тот мало заметит разницы в одежде: зато его слух жестоко пострадает от тамошнего выговора. В богатых купеческих домах женщины с давних времен подражали столичным модам, и нигде более, я думаю, не сохранились наряды прабабушек...»

«В Иркутском уезде хлеб вообще родится хорошо. В доказательство скажу, что в обыкновенные урожайные годы цена ржаной муки от сорока до шестидесяти копеек. Землю никогда не удобряют, но по достаточному количеству оставляют на год или на два. Всех родов хлеб родится там хорошо, как-то: рожь, пшеница, овес, ячмень, гречиха, просо, которого сеют мало; пшеницы озимой не сеют; конопля родится хорошо, а льну сеют мало: он не всегда хорошо родится. Холсты делают из поскони. Подгородние крестьянки прядут из пеньки много самых тонких веревочек, которые называют мотоуз; его много расходуется для вязанья белки и для неводов и сетей. Овощи родятся изобильно, как-то: картофель, свекла, морковь, репа, редька, лук, пустарнак, петрушка, сельдерей, укроп, чабер, шалфей, мята, зоря, салат разных родов; дыни и арбузы сажают в парниках: огурцы родятся; по не в такой изобилии, как в России; тыквы родятся довольно хорошо. Около города сажают табак и хмель; они хорошо родятся. Поля и леса покрыты цветами. Некоторые назову я, как называют их в Сибири: сарана разных родов...»

«Иркутск можно почесть средоточием и складочным местом сибирской торговли.

Все товары, идущие из России, проходят через Иркутск в Кяхту, Якутск, Охотск, Камчатку. Из России идут для Кяхты сукна, мерлушки, кошка, немецкие бобры, корсак, юфть, сафьян, козел; также изделия наших фабрик: затрапез, плис, зеркала, красные кораллы, которые китайцы и русские купцы называют маржан. Из пушных товаров, которые доставляет Сибирь, промениваются китайцам белка, лисица, низкие соболи, хорьки; бобры и выдры идут через Американскую компанию. От китайцев получают: чай разных сортов, как-то: байховый, черный, сквозник, цветочный разных сортов, зеленый и кирпичный, сахар-леденец, часть китайки, дабы, канчи, фанзы, чанчи, флер, урубки, небольшое количество фарфору и деревянной, крытой лаком посуды, разные сухие фрукты, виноград, плоды, табак курительный. Есть еще много товаров, промениваемых от русских купцов и вымениваемых от китайцев; но я не упоминаю обо всем подробно, ибо не смею взять на себя описывать такой важный предмет. Если бы кто из господ торгующих взял на себя труд описать нашу торговлю с китайцами, это было бы весьма любопытно...»

«Лет за тридцать свадьбы отправляли в Иркутске со многими обрядами. Как у бедных, так и у богатых сначала отец и мать советовались между собою; потом призывали жениха, объявляли, какую невесту назначают ему, и если она ему нравилась, то собирали ближних родственников и советовались с ними, но это был уже только обряд, где объявляли, что намерены женить сына. Тогда из среды родных назначали одного, кого почитали способным к переговорам. Если назначаемая невеста не нравилась, то жених мог сам избирать, только с согласия родителей. Может быть, не много мест в России, где браки так беспристрастны. Со стороны родителей и самого жениха почитали главным, чтоб невеста была хороша собою и кроткого характера, и чтобы семейство ее было известно с хорошей стороны. Обыкновенно говорили: «Лучше взять без приданого, но доброго роду». Дочери сварливой женщины - могли спокойно сидеть в девках, потому что о них говаривали: «Яблоко недалеко падает от яблоньки». Хорошей рекомендацией почиталось и то, когда старшая сестра, вышедши замуж, была хорошая хозяйка и почтительна к старшим в семействе. Я упомянула уже, что о приданом никогда не рядились: всякий давал по своему состоянию. Много есть пословиц к этому случаю, которых я не слыхала нигде в другом месте. Например: «Платье на грядке, урод на руке. Нес высокими жить хоромами, не с частыми переходами. а жить с человеком. Не жени сына на теще, не отдавай дочери за свекра. Жена не скрипка, на спичку не повесишь». Последняя клонилась к тому, чтоб муж мог содержать жену. Девниц можно было видеть у обедни, на сговорах или у знакомых; но никогда не делали смотров, как ведется во многих местах России. Почли бы за обиду, если б кто предложил такую невежливость. Иногда делалось это, но инкогнито, т. е. приглашали невесту куда-нибудь к знакомым в гости, где был жених; однако родители и невеста не знали этого. Когда предварительно было все улажено, то сват отправлялся в дом невесты и делал предложение. Обыкновенно с одного раза не решались, а просили дать время подумать и посоветоваться с родными; это делалось даже и в таком случае, когда не намерены были выдавать: считали невежливостью отказать с первого раза. Если же почитали союз приличным, то приглашали ближних родственников и, посоветовавшись с ними, назначали день рукобיתья...»

«При рождении младенцев были обряды следующие: в то время, когда новорожденного мыли, клали вводу серебряные или золотые деньги, которые брала бабка. Между тем извещали родных, и они приезжали навещать родильницу. Каждый посетитель или посетительница привозили серебряные деньги, иногда ассигнации, а у бедных медные деньги, которые и клали под подушку родильнице или ребенку. В крестины, по окончании духового обряда, был обед, ужин или закуска; но во всяком случае подавали кашу из сарочинского пшена, варенную на молоке, а в пост на воде. Постную кашу обыкновенно обсыпали сахаром. Сначала подносили вина, а потом кашу; и от этого есть пословица: я у него на крестинах кашу ел. На кашу повивальной бабке клали деньги. Если дитя было перворожденное, то часто, подшучивая над отцом старались приготовить ему ложку каши с солью и с перцем и говорили, что он должен разделить страдания матери. Колыбели, которые в Иркутске называют зыбками, обыкновенно были висячие на ремнях; для этого в потолок ввертывалось кольцо, к которому привешивали колыбель. Они очень удобны. Родильницу непременно водили в баню, сначала, если только позволяло сколько-нибудь ее здоровье, каждый день, а после через день, говоря: банька вторая мать. После бани поили ее взваром из пива, в который клали изюм, чернослив, инбирь и калган, или делали его другим образом: варили пшено сарочинское с изюмом и черносливом в пиве. Диеты никакой не было; старались как можно более кормить родильницу, и бог знает как все это обходилось без дурных последствий. Напротив, родильница скоро поправлялась, и мало бывало каких-нибудь несчастных случаев. В девятый день размывали руки. Этот обряд есть во всей России. В Сибири происходил он таким образом: приносили кружку чистой воды, в которую клали серебряные деньги, и родильница поливала три раза бабке воды на руки, а та ей обратно. Потом дарили бабку; но подарки, даже в богатых домах, были маловажные: рублей 15 и 20 денег, несколько фунтов хорошего мыла и аршина три полотна или холста; иногда к этому прибавляли фунт чаю. Детей редко кормили грудью, а еще реже нанимали кормилицу. Обыкновенную пищу ребенка составляло коровье молоко, которым кормили, вливая его в рожок...»